

8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. – Москва : Художественная литература, 1985. – Т. 21.
9. Тхагазитов Ю. Жизнь и судьба Али Шогенцукова / Ю. Тхагазитов. – Нальчик, 2005.
10. Тхагазитов З. Эхо весны / З. Тхагазитов. – Нальчик, 1963.

References

1. Keshokov A. Mojo selo // Sbranie sochinenii : in 4 vol. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1982. Vol. IV.
2. Korotkov N. Jesteticheskoe i hudozhestvennoe osvoenie dejstvitel'nosti. Perm', 1981.
3. Kunicyn G. Politika i literatura. Moscow, 1973.
4. Morozov A. Iz istorii osmyslenija nekotoryh jemblem v jepohu Renessansa i barokko // Mif, fol'klor, literatura. Leningrad, 1978.
5. Pustovojt P. Ot slova k obrazu. Kiev, 1974.
6. Frank S. Kul'tura i religija // Filosofskie nauki, 1991, № 7.
7. Tolgurov Z. V kontekste duhovnoj obshhnosti. Nal'chik, 1991.
8. Tolstoj L. N. Sbranie soch. in 22 vol. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1985. Vol. 21.
9. Thagazitov Ju. Zhizn' i sud'ba Ali Shogencukova. Nal'chik, 2005.
10. Thagazitov Z. Jeho vesny. Nal'chik, 1963.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА ПЛЕНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О КАВКАЗЕ

(на материале произведений «Кавказский пленник» А. Пушкина,
М. Лермонтова, Л. Толстого и «Кавказский пленный» В. Маканина)

Плисс Анна Александровна, аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: k_mka@mail.ru.

В статье рассматривается модификация одного из традиционных мотивов, встречающихся в кавказском тексте – мотива пленения, плена, на примере произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого «Кавказский пленник» и произведения современного автора В. Маканина «Кавказский пленный». Исторически эволюционируя от романтизма к реализму, мотив пленения трансформируется на различных уровнях текста.

Ключевые слова: плен, мотив, кавказский текст, модификация, романтизм

TRANSFORMATION OF MOTIFS CAPTIVITY AND CAPTURE IN LITERARY WORKS OF RUSSIAN WRITERS ABOUT CAUCASUS

(BASED ON «CAUCASIAN PRISONER» OF A. PUSHKIN, M. LERMONTOV,
L. TOLSTOY AND «CAUCASIAN CAPTURE» OF V. MAKANIN)

Pliss Anna A., post-graduate student, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Stavropol Region, Pyatigorsk, ave. of Kalinin, 9, e-mail: k_mka@mail.ru

One of the most interesting motifs of Russian writers works is examined in this article – capture and captivity (based on «Caucasian prisoner» of A. Pushkin, M. Lermontov, L. Tolstoy and «Caucasian capture» of V. Makanin). Historically we can observe the modification of this motif from romanticism to realism. In this transformation readers can see all modifications of these motifs on different levels of text.

Keywords: capture, motif, Caucasian text, modification

В отечественном и зарубежном литературоведении категория «мотив» является одной из самых обсуждаемых и вместе с тем одной из противоречивых. Идеи структурирования, типизации, категоризации вариантов и инвариантов мотива на протяжении многих десятилетий развиваются, обобщаются, опровергаются исследователями и, тем не менее, преломляются в новые парадигмы.

Семантическая насыщенность, глубина мотивов справедливо воспринимается исследователями как их определяющее свойство, способствующее наиболее полному раскрытию темы произведения и влияющее на восприятие читателем литературного замысла.

Несомненно, что функция мотива в произведении является не чем иным, как функцией порождения глобального смысла, определяющего на протяжении всего произведения его содержательный компонент и отражающего авторское видение ситуации, ценностей, в целом мировоззрения относительно данной проблематики. Иными словами, мотив определяет характер и семантическую структуру литературного произведения, тем самым выступая сюжетной доминантной составляющей, объясняющей и комментирующей как отдельные части, так и произведение в целом.

Вышесказанное обусловило выбор отдельными авторами при составлении Лермонтовской энциклопедии классификации основных мотивов, присущих произведениям русских писателей о Кавказе и в целом характеризующих кавказский текст [7, с. 277]. Исследователи наблюдали и классифицировали те мотивы, те смысловые единицы художественного текста, которые использовались разными авторами в различные эпохи и которые повторялись и повторяются вплоть до настоящего времени. Среди основных мотивов, характеризующих практически любое произведение о Кавказе, отметим наиболее яркие, а именно: мотив мщения, плена, скитания, изгнания, дороги, дома, войны, танца, песни, верности, предательства, еды, смирения, покорности. Это именно те мотивы, которые, по словам В. Хализева, обладают «наибольшей значимостью» [6, с. 232]. Добавим, что вышеназванные мотивы имеют глубокие корни в русской литературной традиции писателей о Кавказе, поэтому исследование этих категорий вызывает неподдельный интерес, привлекая своим многообразием, семантической глубиной.

В настоящей статье рассмотрим мотив пленения, к которому обращались многие писатели XIX и XX веков. Нам представляется интересным изучение мотива пленения, лежащего в основе одноименных произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого «Кавказский пленник» и в рассказе нашего современника В. Маканина «Кавказский пленный».

Тема Кавказа в литературе русских писателей, возникшая около двух столетий назад, положила начало диалогу различных культур, что и определило впоследствии тематику и семантику произведений русских писателей о Кавказе. Диалог культур представлялся авторами по-разному и в соответствии с меняющимися историческими и политическими событиями произведения приобретали различную окраску, оставаясь, тем не менее, в рамках заданного пространственно-временного континуума, семантически обусловленного, как говорилось выше, главным условием: это было произведение русского писателя о событиях, происходивших на Кавказе. При наличии определенного набора мотивов и концептов, присущих такому понятию, как «кавказский текст», мотив плена и в целом пленения является одним из центральных. В рассматриваемых нами произведениях мотив плена и сама ситуация плена представляются одинаковыми и разными одновременно.

Следует отметить, что интертекстуальность – одна из главных черт современного текста. Произведение В. Маканина «Кавказский пленный» не является исключением. Очевидным является то, автор вступает в интертекстуальный диалог не только с «Кавказским пленником» А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, но и с другими текстами. В. Маканин обыгрывает название рассказа – «Кавказский пленный», а не «пленник». По словарю С.И. Ожегова, лексическое значение слова «пленник» – это

плененный кем-либо, а «пленный» – тот, кто был взят в плен и находится в плену [3, с. 416].

Так, в произведении А. Пушкина «Кавказский пленник» пленником оказывается романтический персонаж, и при этом ситуация плена представляется формально местом заточения, из которого необходимо выбраться для обретения свободы, потому как именно обретение свободы является доминантой в отличие от непосредственно факта освобождения из плена. Заточение и воля здесь – ситуации, через которые проходит главный романтический герой для лучшего понимания целесообразности жизни и любви.

Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада.
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Все, все сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб [4, с. 5].

В произведении А. Пушкина плен непосредственно связан с мотивом свободы. У М. Лермонтова, напротив, герой, находящийся в плену, не стремится обрести свободу и выбраться на волю. В плену он чувствует себя счастливым, умиротворенным и, что важно для него самого, независимым. В «Кавказском пленнике» М. Лермонтова в отличие от произведения А. Пушкина отсутствует романтическая составляющая ситуации пленения. Ситуация неволи и заточения здесь представляется для усиления драмы в жизни главного героя; семантически принципиальной здесь является атмосфера плена.

Вот он, вздохнувши, приподнялся,
И взор его уж открывался!
Вот он взглянул!..., затрепетал,
Он с незабытыми друзьями!
Он, вспыхнув, загремел цепями...
Ужасный звук все, все сказал!!
Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал
И горько плакал и рыдал [1, с. 25].

Некогда представлявшийся краем счастья, бесконечной свободы, Кавказ предстает перед читателем абсолютно иным вследствие развенчания автором мифа об этой местности как о территории вселенского умиротворения и благоденствия. Писатель помещает героя в ситуацию плена, где последний страдает, и читатель видит беззащитность героя в краю своих нравственных моралей и устоев, непохожих на те, что привычны герою в обыденной жизни.

Развязка произведения, где отец черкешенки убивает ее вместе с пленником, заставляет читателя понять, что вместе с пленником плененной является и черкешенка. Здесь подтверждается то, как нравы и обычаи местного населения по-своему характеризуют и определяют поведение черкешенки. Те чувства, которые испытывает она по отношению к пленнику, чужды представителям ее народа, что и приводит в итоге к гибели.

Рассматривая реалистического «Кавказского пленника» Л. Толстого, у которого плен также является основным мотивом произведения, читатель понимает, что ситуация плена становится мотивом испытания. Автор тем самым проверяет своего героя, рассматривая его поведение в плену. Здесь герою необходимо приспособиться к культурной среде, отличной от той, к которой он привык, будучи дома, и главной целью здесь является умение героя выжить, учитывая моральные устои и нравственные заповеди местных и, конечно, не нарушить их.

Сидит Жилин за татаринном, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину... Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит...

Приехали в аул... Принёс работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, оцупал в темноте, где помягче и лёг [5, с. 348].

У Л. Толстого мотив плена выступает мотивом испытания духовных сил и стойкости главного героя. Жилин близок к позиции резонера, к личности идеального русского человека. По его поведению в плену читатель видит, что у него есть крепкий внутренний стержень, прежде всего, с позиции нравственности. Именно это не позволяет ему отчаиваться, а, напротив, находить в себе силы размышлять и постепенно претворять в жизнь мысль об освобождении из плена.

Принимая во внимание, что произведения русских писателей о Кавказе на уровне сюжетной линии, на уровне отношений между героями в целом представляют собой определенную парадигму, присущую именно таким произведениям, нельзя не отметить, что, в частности, в произведении Л. Толстого мотив плена, а также остальные принципиально важные в семантическом смысле мотивы имеют особую окраску. Здесь нет противопоставлений, то, что можно наблюдать в рамках романтического текста, нет иллюзорных романтических представлений о свободе и вольной жизни в мире. Пленник здесь становится заложником внешней ситуации, внешнего конфликта, который, в первую очередь, тесно связан с таким понятием, как противостояние народов, народностей и, как следствие, противостояние различных исторических и политических ситуаций на отдельных территориях. В данном произведении неволя Жилина является не только его испытанием, это фактически собирательный образ любого человека, оказавшегося заложником ситуации, будучи пленным. Романтическое представление плена стирается взамен ситуации, где пленный вынужден постоянно находиться в состоянии выбора правильного поведения, выбора решения, адекватного ситуации и не вызывающего негативной реакции со стороны тех, кто пленил. В данном произведении Л. Толстой показывает читателю, как попавший в плен человек борется с собой, сохраняя собственную честь и достоинство. Отношения между пленником и девочкой предстают в совершенно ином, дружеском аспекте, что способствует впоследствии побегу Жилина из плена.

Еще одно произведение, заслуживающее пристального внимания, когда речь идет о традиционных мотивах для кавказского текста, – это рассказ В. Маганина «Кавказский пленный». По истечении более полутора веков наш современник вновь обращается к тематике и мотиву плена, представленного в свое время А. Пушкиным, М. Лермонтовым и Л. Толстым.

Теперь это плен во время войны на Кавказе в начале 90-х годов XX столетия. Обращаясь к предыдущим произведениям, оглядываясь на опыт предшественников, автор представляет своего рода наследие классической русской литературы, и в результате прочтения мы понимаем, что В. Маганин переосмысливает и продолжает развитие мотива плена в своем рассказе, где мы видим возрождение самой ситуации пленения и плена в целом. Но в отличие от произведений XIX века у В. Маганина пленным является горец, оказавшийся захваченным русскими.

Сержант Ходжаев крикнул:

– Молодцы, хорошо поймали! Таких любят!.. Их начальник, он мотнул головой в сторону гор, таких очень любит... – Два, три, пять человек на одного выменяешь! – крикнул он [2, с. 36].

Удивляет своим принципиальным отличием от предыдущих произведений развязка рассказа, где нет освобождения. Нет побега, а, напротив, происходит убийство пленного главным героем Рубахиным. В сравнении с романтической традицией авторов XIX века Рубахину, скорее, нужно было отпустить пленного, но окончание произведения не имеет ничего общего с сюжетами А. Пушкина, М. Лермонтова и Л. Толстого.

Интересным представляется и то, что у В. Маканина пленным одновременно с кавказцем является и сам Рубахин, но в своей ситуации его испытания морального толка в отличие от испытаний пленного кавказца. Тем не менее, говоря о мотиве плена, читателю становится ясным, что противостояние в рамках войны на Кавказе бесконечно.

В. Маканин в отличие от своих предшественников показал проблему плена и вместе с ней проблему противостояния разных культурно-исторических ценностей более глобально. Социально-политическое устройство страны, духовное, религиозное состояние – все эти факторы определяют своеобразную философскую подоплеку проблематики. Самым важным является то, что из ситуации плена В. Маканин пытается выйти на гуманное и человеколюбивое обоснование для рения подобных ситуаций.

В соответствии с вышесказанным несложно заметить, что мотив плена, пленения в произведениях русских писателей о Кавказе представляет и выражает взаимоотношения двух обществ, показывая, как окружающая действительность может быть представлена в том или ином пространственном континууме, в локации плена, неволи. Культурные, исторически-обусловленные ценности различных народностей, находящиеся изначально в состоянии равенства и равноправия, на самом деле таковыми не являются, что и делает изучение ситуации плена в вышеупомянутых произведениях, а в нашем случае изучение мотива плена, пленения, равно как и других типичных мотивов, характеризующих кавказский текст, актуальным и целесообразным.

Список литературы

1. Лермонтов М. Ю. Кавказские поэмы / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Детская литература, 1990. – 240 с.
2. Маканин В. С. Кавказский пленный / В. С. Маканин. – Москва : ВАГРИУС, 2004. – 168 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : А-ТЕМП, 2010. – 943 с.
4. Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 2: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. – 527 с.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 12 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : Правда, 1987. – Т. 1. – 516 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва, 2000. – 398 с.
7. Шульженко В. И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века) / В. И. Шульженко. – Пятигорск : Изд-во Пятигорск. гос. фармацевтической академии, 2001. – 368 с.

References

1. Lermontov M. Ju. Kavkazskie pojemy. Moscow, Detskaja literatura, 1990. 240 p.
2. Makanin V. S. Kavkazskij plennyj. Moscow, VAGRIUS, 2004. 168 p.
3. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka, Moscow, A-TEMP, 2010. 943 p.
4. Pushkin A. S. Sochinenija : in 3 vol. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1986. Vol. 2: Pojemy. Evgenij Onegin. Dramaticcheskie proizvedenija. 527 p.
5. Tolstoj L. N. Sbranie sochinenij : in 12 vol. Moscow, Pravda, 1987. Vol. 1. 516 p.
6. Halizev V. E. Teorija literatury. Moscow, 2000. 398 p.
7. Shul'zhenko V. I. Kavkazskij fenomen russkoj prozy (vtoraja polovina XX veka). Pjatigorsk, Pjatigorsk State Pharmaceutical Academy Publ., 2001. 368 p.